

Ван Сюань упёрся ладонями в крепкую, хотя и по-прежнему юношески худощавую грудь Гоуданя, и покачал головой:

— Ты же сам всё прекрасно понимаешь. То, что между нами происходит... всё это неправильно. Так могут делать только мужчина и женщина. Муж и жена. А мы... мы ведь оба...

— Знаю я, — перебил его Гоудань. — Знаю, что мы оба парни и что со стороны это кажется дикостью. Но какая разница? Если мы сейчас остановимся, разве это перечеркнёт всё, что уже было? Нет! Слышишь? Никогда не перечеркнёт, — упрямо повторил он.

— Раз понимаем, что это ошибка, надо остановиться. Хватит, — выдохнул Ван Сюань, чувствуя, как его покидают силы.

— Да почему ошибка-то? Всё правильно! Или мы теперь и жить вместе не сможем? У тебя что... неужели тебе какая-то девчонка из класса приглянулась? Ну конечно, ты же у нас такой видный...

— Нет, глупости не говори. Я просто... Если мы продолжим, что люди о нас скажут? Что они подумают о тебе?

Словно лишившись запала, Гоудань обречённо обмяк и уткнулся лбом в плечо Ван Сюаня, тяжело навалившись на него всем телом.

— Тебе и правда настолько важно, что там болтают другие?

Ван Сюань медленно погладил его по спине:

— Вокруг никто так не живёт. Нас просто смешают с грязью.

— А мне плевать. Слышишь, А-Сюань? Мне плевать. Если ты чувствуешь то же, что и я, мне ничего не страшно, — Гоудань приподнялся и упрямо, не мигая, заглянул ему в глаза.

В груди у Ван Сюаня что-то дрогнуло.

— А если... если дядя Ли Сы будет против? Нас ведь из деревни погонят, нам там житья не дадут.

Гоудань промолчал. На чужих ему было наплевать, но с чувствами отца приходилось считаться. Ли Сы искренне любил сына, и это было неоспоримо. Вот только в этом вопросе старик вряд ли уступит — упрётся насмерть. Любовь любовью, но в представлении Лао Сы высший долг отца заключался в том, чтобы женить сына и дождаться внуков. Он и слов-то таких, как «продолжение рода», не знал, но эта простая крестьянская истина въелась ему в плоть и кровь, став главным смыслом всей жизни. Как и для большинства деревенских: родить детей, вырастить, женить сыновей, выдать замуж дочерей — вот и вся нехитрая земная доля, предел мечтаний.

— Даже если так... всё равно хочу быть только с тобой. Не хочу оставаться один. Ты же знаешь, характер у меня не сахар, только ты меня и терпишь. Без тебя я так и остался бы тем чумазым, вечно всеми помыкаемым Гоуданем. Мне, кроме тебя, никто не нужен, правда.

Гоудань никогда ещё не был так серьёзен. Он замер, ловя каждый вздох Ван Сюаня, и ждал — ждал ответа, который решит всё.

— Хорошо, — после долгого, мучительного молчания хрипло выдохнул Ван Сюань.

Меньше всего на свете он желал, чтобы его названного брата презирали и гнали отовсюду, но и оставаться просто друзьями, чтобы потом смотреть, как Гоудань женится на другой, он тоже не мог. Он бы иссох от ревности, сошёл бы с ума. Ван Сюань понимал, что поступает эгоистично, даже подло. Но с того самого дня, как Гоудань своей наивной, неуклюжей заботой вытащил его из сурового ада одиночества, Ван Сюань мечтал лишь об одном — привязать его к себе навек. Сделать своим. И ни за что не отпускать. Он готов был всю жизнь следовать за этим загорелым, вечно взъерошенным парнем — даже если бы им пришлось голодать, он всё равно был бы счастлив. И это было чистейшей правдой. Кроме родной матери, чей образ давно стёрся из памяти, Гоудань был единственным, кто подарил ему тепло, и Ван Сюань жаждал этого тепла с ненасытностью голодающего. А если впереди их ждут лишь упрёки и позор... что ж, пусть так. С этим они разберутся потом.

Едва услышав это заветное «хорошо», Гоудань встрепенулся и уставился на него сияющими глазами. Ван Сюань поспешно отвернулся, но тот продолжал пожирать его взглядом. Щёки Ван Сюаня залил густой румянец. Гоудань всегда смотрел слишком прямо — напористо, жарко, без тени стеснения. Никогда ещё Ван Сюань не чувствовал себя настолько смущённым.

— Слезь с меня, — пробормотал он глухо, утыкаясь лицом в подушку. Под этим пламенным взглядом казалось, что он вот-вот сгорит со стыда. — Раздавишь ведь, тяжёлый какой.

Гоудань послушно угукнул и скатился на бок, но тут же потянулся и сгрёб Ван Сюаня в охапку. Тот слегка одеревенел и покосился на него с явным подозрением.

— Ну чего ты так смотришь? Я честно ничего такого не замышляю. Правда-правда.

"Если бы кое-что пониже живота так откровенно в меня не упиралось, я бы, может, и поверил"

Впрочем, Ван Сюань и сам был в том возрасте, когда кровь бурлит, просто умел сдерживаться чуть лучше. Стоило им однажды впервые помочь друг другу, как юношеское любопытство уступило место непреодолимому влечению. Юность всегда жадна до плотских удовольствий и ярких ощущений.

Ван Сюань попытался было отстраниться, но куда там — уже через мгновение они сплелись в тесных объятиях. Против силы и веса возмужавшего Гоуданя он устоять не мог и послушно оказался внизу. Опыта у обоих деревенских парней не было никакого, тонкостей любви они не

знали, а потому, пунцовые от смущения и возбуждения, просто ласкали друг друга руками. Порой Гоудань в порыве страсти задевал самые чувствительные места, и тогда Ван Сюаня прошибал сладкий озноб, а тело становилось совсем податливым и слабым. Два неискушённых дуралея, понятия не имевшие, как ласкают друг друга мужчины, они просто неловко возились на простынях, притираясь разгорячёнными телами. Но для неизбалованных, молодых организмов даже этих неумелых прикосновений хватало с лихвой.

Когда же сладкая разрядка наконец наступила, все тревоги, страхи и сомнения разом испарились. Навалилась сонная, блаженная истома. Подниматься и идти мыться сил не было — они лишь наспех обтерлись, пока прохладный комнатный воздух остужал влажную от пота кожу. Остыв после недавнего безумия, они крепко прижались друг к другу и мгновенно уснули.

Спустя годы Гоудань не раз будет сокрушаться о том, сколько прекрасных возможностей он упустил в юности, топчась у самого порога истинного наслаждения и по глупости не зная, куда ведёт заветная тропа. И, конечно, под предлогом «упущенного времени» он будет требовать от Ван Сюаня щедрой компенсации.

Они выложили кругленькую сумму за приличный номер в гостинице, но вместо того чтобы гулять по столице, проспали весь день без задних ног. Когда они наконец открыли глаза, часы показывали уже четыре вечера. Ван Сюань чувствовал себя совершенно разбитым, а в голове шумело от слишком долгого сна. Притянув к себе руку Гоуданя, он при слабом свете уличного фонаря из окна посмотрел на циферблат. Мысли постепенно прояснились, и Ван Сюань тихонько застонал от досады — надо же было умудриться проспать такой ясный день!

— Гоудань, просыпайся. Вставай, ну же! Мы так всю ночь потом глаз не сомкнём. Вставай, у нас же куча дел!

Гоудань спал безмятежно и глубоко. Когда Ван Сюань попытался стащить его с постели, он лишь упрямо натянул одеяло повыше. Матрас здесь был просто сказочный — мягкий, пружинящий. В студенческом общежитии, даже если подстелить три матраса, кровати всё равно оставались жёсткими как доски. Раньше они этого не замечали, но теперь было с чем сравнивать. К тому же в общежитии Гоуданю приходилось спать чуть ли не свернувшись калачиком из-за своего роста, а здесь можно было вытянуться во весь рост.

— Давай быстрее, магазины скоро закроются, мы даже одежду купить не успеем!

— Завтра купим... — пробормотал сквозь сон Гоудань.

— Завтра у нас другие дела! Вставай!

Гоудань поворчал для приличия, но всё же сел на постели. Он и сам понимал, что завтрашний день будет расписан по минутам. Студенческая жизнь оказалась совсем не такой беззаботной,

как обещали школьные учителя. Помнится, те твердили: «Потерпите, налегайте на учёбу сейчас, от этого ещё никто не умирал! Вот поступите в институт — там и отдохнёте». Всё это оказалось благочестивым обманом. Если хочешь не просто числиться на курсе, а действительно чего-то добиться, впихивать приходится не меньше прежнего.

Они вышли на улицу в самый час пик. В те годы в Столице ещё не было высотных кварталов; взору открывались бесконечные серые крыши старых сыхэюаней и узкие лабиринты хутунов. Зато дороги и транспортная сеть здесь разительно отличались от провинции — высились настоящие эстакады и многоуровневые развязки, казавшиеся двум деревенским парням чудом инженерной мысли.

Машин на улицах было немного. Парни поехали на автобусе; мимо них изредка проносились редкие легковушки и одинаковые жёлтые автофургоны-такси. А вот велосипедов было великое множество. Столичные проспекты поражали своей шириной. Рабочие с заводов и служащие госучреждений нескончаемыми колоннами выкатывали на мостовую, сливаясь на перекрёстках в необозримую живую реку из спиц и рулей. Подобное зрелище захватывало дух — увидеть такое можно было только в мегаполисе. Автомобили тонули в этом море. Велосипедисты правили улицами единолично. Весёлый трезвон тысяч звонков сливался в единый гул, наполняя вечерний воздух неповторимым, бурлящим ритмом жизни.

Возле крошечных лавок на тротуарах стояли низкие чайные столики. Мелкие торговцы на грузовых трёхколёсных велосипедах неторопливо зазывали покупателей, предлагая нехитрый товар: фаянсовую посуду, нитки, пуговицы да всякую домашнюю утварь. Тут и там лепились лоточки с дешёвой уличной едой. Простой чай из пиал отдавали буквально за пару фэней — напиток, конечно, был так себе, зато жажду утолял отлично. Продавцы побогаче везли за собой тележки, заставленные ящиками со знаменитой апельсиновой газировкой «Бэйбинъян» в запотевших стеклянных бутылках, или раскладывали на прилавках свежие фрукты.

Вейня переменился, пришедшие из Южных регионов, постепенно оживляли и суровый север. Столица понемногу просыпалась, наполняясь торговой суетой.

— Шумно тут, — заметил Ван Сюань, оглядываясь по сторонам. — Народу тьма. Видишь, стоило государству хоть немного ослабить хватку, и люди сразу нашли способ крутиться ради куска хлеба.

Всё верно: только когда начинается торговля, застоявшееся болото жизни превращается в чистый, бегущий поток.

В универмаге они сразу направились к вешалкам с тёплой верхней одеждой. Выбор, правда, не поражал воображением: пальто были добротными, тяжёлыми, но фасоны казались однообразными. Столичные жители всюду старались следовать моде, однако до Южных регионов и специальных экономических зон, граничащих с Островом Гонконг, северянам было ещё далеко.

Гоудань шёл следом, внимательно подмечая каждую деталь и мысленно мотая на ус. Торговая

смётка уже давно стала его второй натурой.

В итоге они выбрали по два комплекта плотных курток и штанов. Ван Сюань прихватил ещё и несколько мотков шерстяной пряжи — вязать он умел отлично.

— Выкрою время и свяжу тебе пару свитеров, — пообещал он. — А то здесь всё какое-то мешковатое и расцветки тоскливые.

К общежитию они подошли уже в сумерках. Гоудань по дороге заикнулся было о том, чтобы продлить номер в гостинице ещё на ночь, но Ван Сюань пресёк эти вольности строгим хозяйским тоном, и обоим пришлось вернуться в свои законные комнаты.

Мода — штука удивительная. В любые времена люди будут слепо следовать её капризам, подчиняясь стадному чувству, которое почему-то принято называть хорошим вкусом.

— Старший брат Су, это ты себе брюки-клёш отхватил?

Су Хэвэн так и сиял от гордости:

— А то! Самый писк моды. Сейчас все приличные люди в таких ходят. Еле урвал последние! Как вам? Если хотите, в следующий завоз и на вашу долю добуду.

— А они внизу не слишком... широкие? — усомнился Гоудань. — Ноги при ходьбе не путаются?

Су Хэвэн ростом не отличался, так что его новые штанины усердно подметали пол при каждом шаге.

— Да что вы, малявки, вообще в красоте смыслите! — отмахнулся тот.

Когда доктор Цинь увидел своего ученика в белоснежных расклешённых брюках, лакированных туфлях и в тёмных очках на пол-лица, старик лишился дара речи.

— Это ещё что за чучело? — наконец взорвался он. — Нормальной одежды в доме нет, так ты вырядился как шут гороховый!

Подобного уродства старый лекарь категорически не одобрял, считая заграничную моду блажью и дикостью.

Почуввав неладное, Су Хэвэн поспешил юркнуть за дверь, пока учитель не заставил его состричь отросшие патлы. Ведь по неписаным законам улицы брюки-клёш и тёмные очки без длинных,

закрывающих уши волос теряли весь свой шик.

— Да ладно тебе, учитель, — примирительно улыбнулся Гоудань. — Сейчас в городе все так ходят. У старшего брата Су ещё скромный наряд.

Некоторые парни умудрялись отращивать гривы до самых плеч и, не взирая на кривые ноги и неказистый рост, упрямо копировали заграничных пижонов с рекламных плакатов кассетных магнитофонов. А уж если такой модник тащил на плече кассетник, бренчал на гитаре или катил рядом новенький блестящий велосипед, то девчонки и вовсе вешались ему на шею.

— Холод собачий стоит! — ворчал старик. — А он напялил эти тонюсенькие... как их там... порты в обтяжку!

— Клёши, учитель, — вставил Гоудань.

— Тьфу, срам один! — фыркнул доктор Цинь. — Ещё и стёкла эти чёрные нацепил. Сам от горшка два вершка, а гонору-то, гонору!

В словах старика была доля истины. Столичные морозы уже всюю крепили, и щеголять в тонких бумажных штанах да лёгких туфлях на тонкой подошве было чистым безумием. Да и брюки эти шились так, что плотно облегали бёдра — поддеть под них тёплое исподнее было физически невозможно. Вот и приходилось несчастным столичным модникам стучать зубами от холода ради призрачной красоты.

<http://bllate.org/book/19654/1996798>